

— Чу И, дай ванье сто лянов. — Лу Чэнлин бросил взгляд на лицо Се Аньлани и ужасно захотел протянуть руку и пощипать его, проверяя, не намазал ли тот лицо строительной пылью.

Лу Чуи взял под козырек.

Се Аньлань изначально спросил просто так, брякнув наугад, и никак не ожидал, что Лу Чэнлин окажется настолько щедрым. Тот согласился одолжить деньги без лишних слов и колебаний, из-за чего самому Се Аньланю стало даже немного неловко.

— Ваше Высочество, неужели вам мало? — заметив, что Се Аньлань молча держит серебро, Лу Чэнлин с беспокойством в душе задал еще один вопрос.

Се Аньлань пришел в себя:

— Нет-нет, уже достаточно. Ты и впрямь невероятно щедр, сходу отсчитал сто лянов.

Се Аньлань прекрасно понимал, что в древности сто лянов — это далеко не малые деньги. То, что Лу Чэнлин, едва познакомившись с ним всего день назад, проявил такую щедрость, уже можно было назвать благородным поступком.

Лу Чэнлин с облегчением улыбнулся:

— Ваше Высочество, если в будущем вам снова понадобятся деньги, можете смело обращаться к Чэнлину.

Се Аньлань был потрясен: ну что за идеальный напарник! Послушать только, как он говорит — ну до чего же приятно слушать!

— Спасибо!

Имея в кармане деньги, Се Аньлань наконец обрел уверенность, чтобы всласть поглазеть на древнее процветание.

Проводив Се Аньлани взглядом и видя, как тот покидает резиденцию князя Чэнь, Лу Чуи не удержался от вопроса:

— Молодой господин, неужели вы не боитесь, что ванье снова пойдет играть в азартные игры?

— Ничего страшного, я верю Высочеству, — с абсолютной уверенностью ответил Лу Чэнлин.

Выйдя за порог, Се Аньлань действительно направился вовсе не к улице с игорными домами, а

сменил направление и пошел в сторону рынка.

Рынок находился совсем недалеко от резиденции князя Чэнь: стоило выйти на улицу имения вана и сделать около ста шагов на восток, как перед глазами возникала оживленная, шумная улица.

Хотя в последние годы династия Юн вела войны ежегодно, и простой народ бедствовал так, что жизни не было, к счастью, Сын Неба отличался прилежанием, и тяготы военных лихолетий еще не докатились до окрестностей Императорской столицы, позволяя тамошним обывателям жить в относительном мире и довольстве.

Миновав пустынную улицу имения вана, Се Аньлань очутился в самом сердце шумного торга, где сплошным потоком двигались повозки и толпились пешеходы.

На широкой улице, вымощенной синим камнем, сновали туда-сюда мелкие торговцы: кто-то нес на плечах коромысло с товаром, кто-то погонял воловью тележку, а кто-то вел за веревку мула, на ходу расхваливая прохожим свой скарб.

По обеим сторонам улицы пестрело бесчисленное множество всевозможных лавок. Вывески тянулись длинными рядами под зелеными черепичными и красными кирпичными крышами, и бросив взгляд вдаль, невозможно было разглядеть конца этой улицы.

За исключением архаичного антуража, эта полная шума и гавани улица почти ничем не отличалась от процветающих коммерческих проспектов будущих веков.

Се Аньлань не стал спешить глазеть по сторонам — сначала он направился в меняльную лавку, собираясь обменять серебряные билеты на звонкую монету.

К счастью, иероглифы при династии Юн не были написаны печатью, а скорее напоминали стиль сун, поэтому беглого взгляда хватало, чтобы узнать большинство знаков на вывесках. Те же несколько, что оставались незнакомыми, удалось распознать, порывшись в памяти прежнего владельца тела — иначе Се Аньлань и впрямь рисковал превратиться в безграмотного.

В конце концов, попав сюда путем перерождения, Се Аньлань по привычке полагался прежде всего на собственное сознание, и лишь когда сознание не подсказывало ответа, он начинал медленно выуживать воспоминания прежнего хозяина. Из-за этого реакция Се Аньлани порой отставала от реакций обычного человека ровно на миг.

К счастью, незнакомых иероглифов оказалось немного, и Се Аньлань, на ходу осваиваясь и обучаясь, дошел до меняльной лавки.

В Великой Юн не существовало казённых банков, и все действующие меняльные конторы

являлись частными. Обычно они занимались лишь торговыми расчетами и выдачей ссуд, причем как при вкладе, так и при снятии со счетов взималась плата за обслуживание и комиссионные. Именно поэтому серебряные билеты жаловали лишь купцы да богатеи, а простой народ предпочитал прятать монеты, выкапывая ямы в земле.

Выйдя из меняльной лавки, Се Аньлань сам был готов выкопать яму и зарыть туда деньги, лишь бы больше никогда не связываться с подобными заведениями, если у него заведется состояние.

Уж слишком грабительские были порядки.

За билет достоинством в сто лянов ему выдали на руки всего девяносто лянов серебра.

Изначально за выдачу наличных брали лишь пять процентов, но поскольку Се Аньлань предъявил билет чужой конторы, с него содрали еще пять процентов сверху.

Знай он заранее о таких грабительских порядках, ни за что не стал бы лениться — походил бы подольше, отыскал нужную контору и сберег бы деньги.

Что поделать, расплата за собственное невежество.

Однако, выйдя из меняльной лавки с серебром наперевес, Се Аньлань повеселел ничуть не больше. Девяносто лянов серебра весили почти восемь цзиней. Они лежали в небольшом холщовом мешочке, оттягивая руку и нагружая плечо — словом, сплошное неудобство.

Видя, что богачи, приходившие в меняльную лавку делать вклады и снимать со счетов, повсюду таскали за собой личных слуг, чьей прямой обязанностью было носить за хозяевами деньги, Се Аньлань испытывал жгучую зависть.

Желая облегчить свою ношу, он был вынужден подыскать какую-нибудь лавку, чтобы хоть немного потратиться.

Се Аньлань, питавшийся последние три дня холодными паровыми булочками, в первый же момент при появлении денег задумался о том, как бы улучшить свой рацион.

К счастью, прямо по соседству с меняльной лавкой располагалась лавка зерна и круп. Се Аньлань, прихватив тяжелый мешок с серебром, шагнул внутрь.

Потратив один лян, он купил два дэня риса. Один дэнь весил около девяноста килограммов, так что два дэня составляли примерно триста шестьдесят цзиней.

Расспросив лавочника, Се Аньлань узнал, что урожай с одного му первосортного поля как раз и равняется примерно двум дэням. Тут-то он до конца и осознал, какова покупательная

способность одного лян серебра при династии Юн.

Стоило ему вспомнить, что Лу Чэнлин с легкостью одолжил ему сто лянов — сумму, эквивалентную урожаю с сотни му отборных полей, — как перед глазами Се Аньлани вихрем пронеслись два слова: денежный мешок, богач!

Интересно, если он побежит назад и бросится обнимать благодетеля за ноги, не поздно ли еще?

Лавочник попался крайне глазастый. Завидев на Се Аньлане парадные одеяния с узором из питонов, он сразу понял, что перед ним непростой человек, и услужливо произнес:

— Уважаемый гость, я вижу, вы пришли с пустыми руками и без помощников, а два дэня риса — ноша не из легких. Не соизволите ли оставить адрес, я велю мальчику-слуге доставить покупку к вам в усадьбу?

Се Аньланю нечего было возразить. Радостно оставив адрес и спрятав расписку, он продолжил свое путешествие по магазинам.

Шагая по заполненной до отказа улице, Се Аньлань совершенно не чувствовал давки. Оглянувшись назад, он заметил, что торговцы по соседству сами услужливо расступаются перед ним, и, опустив взгляд на собственное одеяние, сразу во всем разобрался.

Прежде прежний хозяин унес в ломбард абсолютно всё имущество резиденции в обмен на серебро для уплаты игорных долгов, оставив лишь два парадных халата с питонами, сдать которые было нельзя. Их-то он и натянул на себя.

Разгуливать по улице в таком облачении — всё равно что нести огромную сияющую ночную жемчужину посреди темной ночи. Неудивительно, что прохожие не смели приближаться к нему ни на шаг.

Впрочем, это как раз вовремя напомнило Се Аньланю, что пора бы обзавестись сменной одеждой. К счастью, стояла зима, и даже три дня без стирки не привели к появлению дурного запаха — случись подобное летом, можно лишь вообразить этот ядреный дух.

Однако, зайдя в относительно пустынную лавку готового платья, Се Аньлань помрачнел.

Одежда по сравнению с едой оказалась просто безумно, возмутительно дорогой.

Зимний комплект одежды из шелка, от нижнего белья до верхней куртки, стоил около тридцати лянов. И это далеко не лучший — так, самый средний уровень.

По сравнению с шелком грубая пенька и обычная ткань стоили гораздо дешевле, а хлопчатник в династии Юн еще не появился.

Се Аньлань попытался примерить самую дешевую грубую пеньку, но тут же отказался от этой затеи: сколько ни кутайся в несколько толстых слоев, ветер все равно проникает сквозь щели прямо к коже. Даже сейчас, до снегопадов, пробирало до костей, а уж что начнется в метель и в пору таяния снегов, и вообразить было страшно.

В конце концов Се Аньлань скрепя сердце купил один комплект шелковой одежды — дорого так дорого, лишь бы не окоченеть насмерть.

Выйдя из магазина одежды, Се Аньлань обнаружил, что его кошель мгновенно полетел наполовину, и с грустью подумал:

— Похоже, придется искать способ заработать, иначе не хватит даже на пару шмоток...

А он-то воображал, что с сотней лянов стал богачом. Как оказалось — голь перекатная.

Рассуждая о том, какие мелкие инвестиции принесут быстрый доход, Се Аньлань неспешно бродил по улицам.

Вскоре он накопил целую кучу всякой всячины: еды, питья и предметов обихода — словом, брал всё, что считал полезным в хозяйстве.

Тем временем в резиденции князя Чэнь Лу Чэнлин и Лу Чуи тоже не сидели сложа руки. Объединившись с Чао Юнь и Чао Лу, вчера разжалованными в простые служанки, они принялись разбирать во внутреннем дворе свадебные дары, доставленные накануне из поместья маркиза.

Стоило признать, богатство поместья маркиза впечатляло: приданое насчитывало целых тридцать шесть сундуков, заполнивших весь парадный двор резиденции. И хотя большую часть составляла разная мелочь вроде столов и табуретов для видимости, среди них попадалось немало изделий из золота и серебра. Особенно выделялись приложенные к приданому земельные угодья и недвижимость — по ним было сразу видно, что законная супруга маркиза приложила немало усилий, готовя невесту к замужеству.

— Молодой господин, только посмотрите, не наш ли это свадебный подарок? — воскликнул Лу Чуи, распаковывая один из ящиков и заметив внутри знакомые вещицы.

— Угу. — Лу Чэнлин счел это забавной иронией: подарок, отправленный им от чистого сердца, теперь превратился в его собственное приданое.

— Так что, молодой господин, уберем этот сущик в сторону, а остальное отправим обратно в

поместье маркиза? — с сомнением в голосе осведомился Лу Чуи.

— Нет. Земельные акты и бумаги на недвижимость, где значатся чужие имена, вернем в поместье маркиза, а все остальное оставим себе. — Лу Чэнлин не собирался терпеть унижения молча. С какой стати ему спускать всё с рук лишь потому, что интриги плела его собственная кузина?

Это приданое послужит ему компенсацией.

Лу Чуи радостно отозвался:

— Слушаюсь, молодой господин! Уж я позабочусь о том, чтобы, когда эти вещи вернутся в поместье маркиза, тамошних обитателей хорошенько перекосило от злости!

Дома и земли, приложенные к приданому в качестве демонстрации богатства перед чужими людьми, по сути являлись лишь глиной да черепицей. Сами по себе Лу Чэнлину эти бумаги не требовались, но он вовсе не был мальчиком для битья, чтобы терпеть обиды и молчать в тряпочку.

Едва они заговорили об этом, как управляющий Фу привел с заднего хода целый отряд подмастерьев из торговых лавок, несущих на плечах самые разные пожитки.

— Всё это приобрел ванъе? — Лу Чуи потер глаза, отказываясь верить собственному зрению.

Еще до того как переступить порог резиденции князя Чэнь, он навел справки о репутации князя. И хотя молодой господин уверял, что ванъе совсем не таков, каким его описывают в слухах, до личного свидетельства у Лу Чуи оставались сомнения. Но сейчас, воочию лицезрев, как тот самый бездельник и гуляка, что дни напролет предавался азартным играм и палец о палец не ударял, вдруг начал закупать в усадьбу скарб, он испытал сильнейший шок!

Управляющий Фу с сияющей улыбкой в уголке рта закивал:

— О да! Похоже, наш ванъе, обзаведясь семьей, наконец-то остепенился и стал думать о доме!

Вспомнив восхищенный взгляд, которым ванъе вчера одарил княгиню, управляющий Фу мгновенно все понял: не иначе как дело в княгине, именно она изменила ванъе.

Раньше, кроме карт и костей, князя не интересовали никакие житейские заботы. Стоило ему жениться, как он тут же принялся хлопотать по хозяйству в резиденции — вне всякого сомнения, исключительно ради того, чтобы угодить княгине!

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как управляющий Фу проникся огромной

симпатией к Лу Чэнлину. Он уже не держал зла на поместье маркиза за то, что те подсунули поддельную невесту, и даже хотел поблагодарить их за столь чудесный подарок в виде прекрасной княгини.

<http://bllate.org/book/26310/3150805>